

СУДЬБА БАЛЕРИНЫ

Свет призвания ● На улице зодчего Росси ●
Ровесник победы ● Фея из «Спящей красавицы»
● Переросток ● За что исключают из училища?
● Прима ● Двадцать четыре года. Много это или мало?

СУДЬБА Маргариты Окатовой ничем не напоминает геометрически прямые и ясные биографии балетных артистов.

Девочке не было и трех лет, когда пришла война. Отца убили на фронте, мать умерла в осажденном Ленинграде. Детство Маргариты Окатовой было связано с коллективом таких же маленьких сирот, детей погибших фронтовиков.

Жизнь в детском доме шла своим чередом: Окатова училась в школе, по вечерам участвовала в художественной самодеятельности — пела, танцевала. Так подошел возраст, когда надо было прощаться с детским домом и выбирать самостоятельную трудовую дорогу. Как и большинство подруг, Окатова собиралась пойти либо в техникум, либо в ремесленное училище, день ото дня отодвигая окончательное решение.

А между тем окончательное решение пришло совсем с другой стороны.

Однажды, гуляя по городу, подруги неожиданно решили посмотреть спектакль Академического театра оперы и балета имени Кирова.

Голубовато-золотой зал бывшего Мариинского театра, одновременно роскошный и строгий, чудесный занавес — вдохновенное создание чародея русской театральной живописи Александра Головина, высокое мастерство ленинградского балета, вообще весь допотопный неведомый мир театральных чудес произвели ошеломляющее впечатление на девушку.

На другое утро, когда подруги продолжали гадать — училище или техникум, техникум или училище, Окатова нашла по телефонному справочнику фамилию какой-то балерины, позвонила и сказала, что она хочет стать танцовщицей, но не знает, как это сделать. Балерина обещала помочь, однако в суматохе повседневных дел вскоре забыла про странный звонок.

...Есть в Ленинграде небольшая улица, упоминание о которой можно найти в любой книге по градостроительству. Это — улица зодчего Росси, один из совершеннейших ансамблей «Северной Пальмиры», гениальный памятник великого итальянского архитектора, нашедшего в России вторую родину и обессмертившего тут свое имя. Но кроме дивных пропорций, есть у этой улицы и другая примечательная особенность: с раннего утра и до позднего вечера из раскрытых окон величественного здания льются чудесные мелодии Чайковского и Делиба, Стравинского и Шопена, Прокофьева и Равеля, придавая улице невыразимый поэтический аромат.

Здесь помещается прославленное Ленинградское хореографическое училище, в этом году отмечающее двести двадцать пятую годовщину своего существования.

Вот сюда, в старинное здание на улице зодчего Росси, и пришла Окатова. Она приходила сюда и день, и другой, и третий — и все бесполезно. С ней никто не хотел разговаривать, на ее просьбы смотрели, как на причуды. Все объяснялось как нельзя просто: даже в экспериментальные классы для «переростков» (с укороченным сроком обучения) принимают детей двенадцати лет. Окатовой было пятнадцать.

Неизвестно, сколько бы еще дней ей пришлось потерять, если бы на ее счастье она не встретила танцовщика, когда-то ведшего в детском доме танцевальный кружок. Он уговорил художественного руководителя училища посмотреть девушку. Опытный профессиональный глаз сразу оценил прекрасные природные данные Окатовой — высокую, стройную, гибкую фигуру, естественную пластичность, ритмическую точность, огромный шаг и большой, мягкий прыжок. И вопреки всем традициям, ее зачислили в училище. Она попала в класс педагога Елены Ширяпиной, ученицы знаменитой Агриппины Вагановой, имя которой теперь носит училище, — создательницы советской балетной педагогики, среди воспитанниц которой — Марина Семенова, Галина Уланова, Наталия Дудинская, Алла Шелест, Татьяна Вечеслова, Ирина Колпакова, Алла Осипенко.

Такой поворот судьбы, однако, только внешне выглядел благополучным. Окатова оказалась

старшей в классе, и все проказы поневоде относились за счет ее влияния. Она была неуступчива и строптива. Постепенно между ученицей и руководством образовалась трещина, которая все расширялась и в конце-концов привела к тому, что Окатова вынуждена была после четырех лет обучения покинуть училище.

Что делать дальше? Окатовой было все равно. Но кто-то из знакомых отъезжал в Новосибирск, и она поехала тоже, за компанию.

Новосибирский театр оперы и балета зовут ровесником Победы — он открылся 12 мая 1945 года. Театр славен многими своими спектаклями, великолепной — третьей в стране — балетной труппой, а в актерской среде еще и тем, что к таким пережиткам актерской «вольницы», как премьерство, богема, тут относятся особенно непримиримо и твердо.

Уход из Ленинградского училища — далеко не лучшая рекомендация балетного актера. Но что-то подсказало дирекции, что в этой, на вид угрюмой и замкнутой девушке, еще много неперебродившего, неустоявшегося, наносного. С Окатовой стали заниматься опытные педагоги, и очень скоро ей начали поручать сольные танцы: испанский в «Лебедином озере», одну из фей в «Спящей красавице» Петра Чайковского.

Все же недостаток танцевального мастерства сказывался, и Окатова — вновь в Ленинграде. Вновь училище. Влепящее исполнение на выпускном концерте труднейшего «танца со змеей» из «Баядерки» и панадероса из «Раймонды» Александра Глазунова открывает ей широкую дорогу. Однако новосибирцы уже считали молодую танцовщицу «своей», и пока ленинградские театры приглядывались к выпускнице, директор новосибирского театра Семен Зельманов добился «распределения» Окатовой в Новосибирск.

Она попала в обстановку творчески активного, беспокойного, ищущего художественного коллектива. Здесь умеют пестовать таланты — терпеливо и любовно, гордятся ими и смело выдвигают их.

...Старинная восточная легенда о Ферхаде и Ширин, о любви, «разрезанной» другой любовью, в которой соединились жертвенность и честность, самоотречение и мстительная непреклонность. Царица Мехмен-Бану спасает сестру, расплачиваясь собственной красотой, и мучимая уродством и одиночеством, требует за любовь Ширин подвига не меньшего, чем ее, — так неожиданно и смело воплотила молодая балерина образ мрачной царицы, озарив его светом глубокой человечности, этической чистоты и философской значительности. В сложности и обостренности духовной жизни своей героини передала Окатова современный смысл древнего предания, пересказанного поэтом Назымом Хикметом, молодым азербайджанским композитором Арифом Меликовым и постановщиком Юрием Григорьевичем, сразу заявив о себе как о балерине истинно трагедийного темперамента и размаха.

С наименьшей обобщающей силой прозвучала в исполнении Окатовой и «Ленинградская поэма» — хореографический парафраз первой части знаменитой Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича.

Когда с финальными аккордами Девушка, потянувшая на фронте любимого, идет прямо на зрителя и вдруг замирает с вытянутой вперед рукой, как бы говоря: «Это не должно повториться!», в этом жесте чувствуется и что-то глубоко личное, пережитое: горечь старых потерь, ужас детских воспоминаний, и вместе — мужественная решимость, грозная стойкость, тот философский оптимизм, который делает балет Игоря Бельского не просто памятником прошлому, но произведением подлинно современным — суровым предупреждением на будущее.

...Маргарите Окатовой двадцать четыре года. Много это или мало? У танцовщиков — такой возраст обычно завершает первую треть творческого пути.

Окатова только начинает свой артистический путь. Но старт его столь бурен, в нем столько яркого, необычного, непосредственно молодого и уже зрелого, юношески дерзкого и мастерски уверенного, что вопрос возраста — много или мало — теряет всякий смысл.

Много — потому что уже немало сделано. Мало — потому что сделать предстоит еще очень много.

Андрей ДЯКОНОВ.